

## I. Эпоха до Юстиніана (395—518).

Феодосій Великий (379—395), геніальний синъ великаго отца, былъ послѣднимъ изъ длиннаго ряда генераловъ и спасителей имперіи, которые, начиная съ Клавдія Готскаго и кончая Валентиніаномъ, желѣзнымъ кулакомъ вновь сковали разошедшуюся по швамъ міровую державу. Онъ блестящимъ образомъ выказалъ себя послѣ ужасной гибели Валента, послѣ адрианопольского „lacrimabile bellum“, какъ защитникъ имперіи и спаситель отъ германской опасности. Еще разъ готская волна народовъ была оттеснена съ имперской почвы. Во внутреннихъ дѣлахъ правленіе Феодосія составило эпоху, благодаря той побѣдѣ, которую одержала надъ аріанствомъ православная церковь, подкрѣпляемая тяжеловѣснымъ вліяніемъ императора, и благодаря тому энергичному принужденію, которое покончило съ остатками древней вѣры среди римской аристократіи. Умирая 17 янв.<sup>17 ян.</sup> 395 года, Феодосій оставилъ имперію въ совмѣстное правленіе своимъ двумъ сыновьямъ, Аркадію и Гонорію. Послѣдній получилъ западную половину: префектуры Италію (Италію и Африку) и Галлію (Галлію, Испанію, Британію), въ то время какъ его старшій братъ сталъ править Востокомъ: префектурами Иллірикомъ (Дакіей и Македоніей) и Востокомъ (Азіей, Понтомъ, Востокомъ, Фракіей и Египтомъ).

Борьба Феодосія съ узурпаторомъ Евгеніемъ лишила весь Востокъ военныхъ силъ. И вотъ въ то время, какъ вторгнувшіяся чрезъ каспійскія ворота гунны обрушились на востокъ имперіи, расположенные въ Мизіи и Фракії готскіе вспомогательные отряды (foederati) опустошили подъ начальствомъ своего царственнаго вожда, А лариха, сѣверный Иллірикъ и угрожали столицѣ. Только когда съ Запада подошелъ Стилихонъ, А ларихъ вынужденъ былъ окопаться въ Фессаліи. Но такъ какъ побуждаемый къ тому Руфиномъ, Аркадій, можетъ быть, не безъ основаній требовалъ удаленія Стилихона и возвращенія восточныхъ отрядовъ изъ Италіи въ Константинополь, то послѣдніе двинулись

подъ командой Гаина къ столицѣ. Руфинъ паль имъ въ жертву, и мѣсто руководящаго министра занялъ евнухъ Евтропій. Тутъ-то Аларихъ и предпринялъ свой страшный походъ черезъ Фермопилы въ Грецию. Елевсинъ, Пирей, Мегара, Коринтъ, Аргосъ и Спарта не устояли противъ готскихъ дружинъ, христіанско-варварскую ревность которыхъ фанатики-монахи разожгли до дикаго неистовства противъ этихъ главныхъ обителей и послѣднихъ твердынь язычества. Тутъ во время похода въ Элиду на нихъ напалъ съ тылу вернувшійся Стилихонъ и окружилъ готское войско на аркадійскомъ плоскогорье у Фолои. Воцреки ожиданію дѣло окончилось мирно, и восточно-римское правительство дало страшному готу титулъ *magister militum regi Illyricum*.

Болѣе грозной опасностью становилось руководимое графомъ (*comes*) Трибигильдомъ восстаніе поселенныхъ во Фригії остатковъ и грутунговъ. При восточно-римскомъ дворѣ перевѣсь было на сторонѣ національной римской партіи; начальники германцевъ—мугущевеній Гайна и его преверженцы—были глубоко обижены. Правда, Трибигильдъ потерпѣлъ тяжелое пораженіе отъ храбраго писидійскаго ополченія. Но посланный противъ него Гайна оказался его тайнымъ союзникомъ, и римскій полководецъ Левъ паль жертвой готовъ и предательства своего коллеги. Гайна и Трибигильдъ оказались господами положенія и вынудили у императора отставку его ministra.

Гайна появился въ Халкідонѣ, и дрожацій Аркадій долженъ былъ расположить армию готовъ въ своей столицѣ. Уже казалось, что Востоку суждено подвергнуться подобному же раздробленію на части, какъ въ дальнѣйшемъ это случилось съ Западомъ. Германское королевство готовилось замѣнить здѣсь династію Феодосія. Но ожесточеніе жителей столицы, подвергшихся насилию со стороны готовъ-аріанъ и оскорблѣнныхъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, повело къ восстанію. Готовъ заставили очистить городъ, оставшіеся пали жертвой народной ярости. Опустошивъ Фракію, Гайна думалъ переправиться у Абидоса въ Азію но оставшійся вѣрнымъ имеріи готъ Фравитта съ римскимъ флотомъ уничтожилъ его войско. Голова бѣжалшаго во Фракію бунтовщика была прислана къ императорскому двору гуннскимъ королемъ Ульдомъ. Спаситель имперіи Фравитта, хотя онъ и былъ язычникъ, былъ награжденъ саномъ консула. Имперія и римское начало были еще разъ спасены.

При томъ же самомъ Аркадій возгорѣлась и въ Византіи старая борьба между *imperium* и *sacerdotium*, исходъ которой сталъ типичнымъ для взаимоотношенія между государствомъ и церковью въ восточномъ Римѣ.

Антіохіецъ Іоаннъ, прозванный впослѣдствіи церковью Златоустомъ, столь же могучій силою своего слова, какъ и

расположеніемъ народа, не щадилъ, подобно какому-нибудь шотландскому пуританину, ни роскоши императорского двора, ни нравственной испорченности богачей. Лично преданный строгому аскетизму, онъ является одновременно іерархомъ съ папскимъ представлениемъ о своей власти. Азію гдѣ митрополія Ефеса славилась своимъ апостольскимъ происхожденіемъ отъ любимаго ученика Христова, онъ съ безпощадной силой подчинилъ во время своей поѣздки власти предстоятеля нового Рима, который съ 381 года уравнялся въ правахъ со старымъ Римомъ. Тогда поднялись враги Іоанна. Правда, отъ пустого и бездарнаго сирійскаго епископа Северина, соперничавшаго съ нимъ въ столицѣ своими проповѣдями, онъ легко избавился. Но тѣмъ болѣе серьезный оборотъ принялъ дѣла, когда правительство выдвинуло его смертельный врага, честолюбиваго и безпринципнаго александрийскаго папу Феофила. Александриецъ сіялъ послѣ разрушенія въ 391 году Серафіума въ свѣжемъ блескѣ славы истребителя идоловъ; св. Аѳанасіемъ и его преемникомъ Петромъ, руководителемъ такъ называемаго вселенскаго собора 381 года, Востокъ уже былъ пріученъ къ тому, чтобы предоставлять окончательное рѣшеніе въ духовныхъ дѣлахъ замѣстителю каѳедры апостола Марка. Феофилъ сумѣлъ придать своимъ махинаціямъ отѣнокъ святости, привлекши на свою сторону почти стольнаго борца противъ еретиковъ, ученаго, но крайне ограниченаго Епифанія, епископа Константія (на о. Кипрѣ). На соборѣ „подъ дубомъ“ іерархъ нового Рима былъ лишенъ своего сана; однако, ожесточеніе вѣрюющаго населенія столицы доставило ему блестящую побѣду. Феофилъ бѣжалъ, а правительство малодушно уступало, пока Іоаннъ, ставъ дерзновеннѣе отъ успѣховъ, не обрушился въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ на самое императорицу. Новый соборъ 404 года рѣшилъ окончательно паденіе Іоанна, хотя за него и вступились западно-римское правительство и папа Запада Иннокентій I. Такъ какъ, благодаря своей перепискѣ, Іоаннъ оставался силенъ и въ своемъ изгнаніи въ армянскомъ городѣ Кукузѣ, то было рѣшено отправить несчастнаго старца на Кавказъ, но онъ изнемогъ отъ тяжестей перехода, не достигнувъ мѣста своего нового назначенія, 14 сент. Питіunta (Піцунды въ Абхазії). Вся церковь высоко чтила память „вселенскаго учителя“; патріархъ Проклъ торжественно перенесъ въ 438 году его останки обратно въ столицу имперіи, а 438 Феодосій II колѣнопреклоненно молилъ передъ ракою святого о милосердіи къ его грѣшнымъ родителямъ. Не взирая, однако, на эти обязательныя и великолупныя формы, государственная власть принципіально одержала все-таки чрезвычайно важную побѣду: она впервые въ силу своего суверенитета установила свои отношенія къ церкви, и этотъ порядокъ удержался въ Византіи на всегда.

408 Въ 408 году Аркадій умеръ, оставивъ послѣ себѧ несовершеннолѣтняго сына, **Феодосія II Малаго**, который, какъ истый порфиородный, никогда за все свое длинное правленіе съ 408—450 г. не сталъ совершеннолѣтнимъ. До 414 года дѣла правленія лежали на *praefectus praetorio Anœimœi*, украшенномъ высшимъ почетнымъ титуломъ консула и патрикія, чрезвычайно умномъ государственномъ дѣятелю. Затѣмъ стала управлять государствомъ съ помощью сената мудрая въ политикѣ сестра императора, Пульхерія; она женила въ 421 году своего брата на высокообразованной дочери философа Аенаидѣ, носившей христіанское имя Евдокія. Послѣдняя скоро пріобрѣла вмѣстѣ съ евнухомъ Хризофіемъ большое вліяніе на управление государствомъ; а послѣ ся паденія, въ теченіе всей послѣдней половины своего правленія, императоръ всецѣло находился въ рукахъ Хризофія. Недовольная всѣмъ этимъ, Пульхерія удалилась въ свой частный дворецъ.

Въ то время, какъ западная имперія разрушилась, когда готы, свевы и вандалы самостоятельно устраивались въ Галліи, Испаніи и Африкѣ, а власть призрачного императора была въ дѣйствительности ограничена предѣлами одного Апеннинского полуострова, восточная половина имперіи счастливо и сравнительно спокойно пережила этотъ критический періодъ. Продолжительное правленіе Феодосія въ общемъ итогѣ бѣдно виѣшими событиями. По смерти Гонорія генералы Ардавурій и его сынъ Аспаръ удачно вмѣшились въ дѣла Италии; устранившее узурпаторомъ Гоаномъ законное правительство было ими восстановлено и подпало такимъ образомъ вліянію Востока.

Величайшую ошибку Великаго Феодосія пыталось исправить, насколько это было въ его силахъ, столь часто презираемое правительство Феодосія Малаго. Въ такомъ важномъ государствѣ-буфферѣ, какъ Арmenія, которая со временемъ Тиридата и Григорія Просвѣтителя была привлечена къ союзу съ Римомъ, римское вліяніе было сокрушено со дня позорно заключенного Гоаномъ мира 365 года; правда, Валентъ, пресядѣду вполнѣ сознательно опредѣленную цѣль, посадилъ на армянскій престолъ еще разъ царемъ Папа и поддерживалъ его; но послѣ того какъ послѣдній былъ вѣроломно убитъ римлянами, разгорѣлась борьба между христіанско-клерикальной и маздаистически настроенной аристократической партіями. Ради правильно понятыхъ интересовъ имперіи римская политика всѣми силами должна была бы поддерживать, какъ это и дѣлали разумные правители Константина дома, Мамиконіевъ, какъ руководителей священнической партіи. Вместо того, Феодосій въ непонятномъ ослѣблении—въ этомъ его можно сравнить съ Фридрихомъ Великимъ—заключилъ въ 387 году съ восточной державой договоръ

о раздѣлѣ Арmenіи. Только около пятой части нѣкогда великаго армянского государства досталось вмѣстѣ со столицей Феодосіуполемъ (Кариномъ) византійцамъ. Все остальное, управляемое номинально еще 40 лѣтъ призрачнымъ царемъ, въ вассальной зависимости отъ Персіи, отошло подъ персидское главенство. Какъ церковный и ученый языкъ, персы систематически терпѣли только сирійскій; греческому языку была объявлена война не на жизнь, а на смерть. Оба великихъ генія Арmenіи, Месробъ и Сагакъ, переведшіе Св. Писаніе на мѣстный языкъ, послѣ того какъ первый изъ нихъ изобрѣлъ письмо, должны были бѣжать отъ преслѣдованія персидскихъ властей на византійскую почву. Константинопольскій кабинетъ того времени, оказавшись въ данномъ случаѣ болѣе дальновиднымъ чѣмъ, основатель династіи, по мѣрѣ силъ официально оказывалъ содѣйствіе предпріятію и поддерживалъ изъ государственныхъ средствъ школу переводчиковъ, основанную обоими великими армянами. Изъ работъ этого духовнаго разсадника вышла всецѣло зависящая отъ греческой, огромная переводная литература армянъ (такъ назыв. „золотого вѣка“), и народъ, до этого времени не имѣвшій литературы, былъ введенъ въ семью культурныхъ націй. Тѣмъ самымъ Арmenія была отторгнута окончательно отъ восточного варварства и присоединена на всѣ времена къ западно-эллинской-культурѣ. Это все-таки является неотъемлемой заслугой презираемаго Феодосія Малаго.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію событий виѣшней политики. Дѣйствительную опасность для имперіи представляла собой въ эту эпоху великая держава гунновъ. Хотя Анœимію и удалось въ 412 году удачно отразить вторженіе этихъ варваровъ, и дунайская флотилія зорко слѣдила за границами имперіи, тѣмъ не менѣе, уже въ 424 году императоръ заплатилъ дань царю кочевниковъ. Еще хуже сложились обстоятельства, когда въ Панноніи раскинуль свой военный лагерь воинственный Атила, когда наряду съ гуннами имперскимъ границамъ стали въ 441 г. угрожать персы, и вандалы со своими союзовыми флотиліями пиратовъ разоряли берега имперіи. Дунайскія крѣпости Виминацій и Сингидунъ, Маргъ, родина равноапостольного Константина—Наисъ, Филиппополь и другіе важные имперскіе города пали подъ ударами гуннского царя. Уже дрожала столица имперіи; но храбрый гарнизонъ крѣпости Асимунта поднялъ успѣшной защитой павшій было духъ византійцевъ. Въ 443 году, благодаря Анатолію, купленъ былъ миръ за 6000 фунтовъ золота и за ежегодную дань въ 700 фунтовъ. Возобновившіяся въ 447 году враждебныя дѣйствія были улажены посольствомъ Максимиана; риторъ Прискъ, сопровождавшій это посольство въ качествѣ секретаря, оставилъ намъ свое знаменитое, захватывающее своимъ реализмомъ описание

лагерной резиденции гунновъ<sup>1)</sup>). Миръ былъ возстановленъ; но платежъ дани продолжался почти до самой смерти Феодосія.

Гораздо болѣе важнымъ и прямо-таки рѣшающимъ является это царствование по современнымъ ему церковнымъ событиямъ. Христіанское государство официально и насилиственно подавило древнее идолослуженіе; но церковь „широко распахнула врата“ и мудрой снисходительностью облегчила старовѣрамъ доступъ въ новую религіозную общину; въ христіанскихъ святыхъ узнавали они часто подъ легкимъ лишь покрываломъ свои старыя языческія божества. Потребность массъ и женщинъ въ призываціи великой многоименнной богини-природы была удовлетворена церковью черезъ усиленіе почитанія Богоматери, и уже язычники насыщались надъ ревностнымъ культомъ Маріи и говорили о „новой Кибелѣ“ и о „новой Изидѣ“.

Александрийскіе богословы, слѣдовавшіе аллоргическому толкованію Оригена, были въ то же время ревностными вдохновителями новомодной теологии, тогда какъ антіохійская школа, въ лицѣ своихъ великихъ вождей Диодора Тарсскаго и Феодора Мопсустскаго, тщетно пыталась сохранить противъ всемогущаго направления эпохи трезвое и научное искусство истолкованія Св. Писанія. Несторій, новый патріархъ столицы, происходившій изъ Германікіи и хранившійѣрность традиціямъ своей родины, словомъ и писаніями ратовалъ, противъ суперънаго, по его мнѣнію, выраженія Θεοτόκος (Богородица) и привелъ тѣмъ самыми въ крайнее беспокойство благочестивое населеніе столицы. Св. Кириллъ, племянникъ и преемникъ Феофила по апостольской каѳедрѣ въ Александрии, прославленный духовный ораторъ и писатель и весьма опытный въ хитростяхъ церковной политики, сталъ во главѣ противниковъ Несторія. Напрасно пытался Несторій, котораго пока еще поддерживало императорское правительство, возвратиться къ главному предмету: обладатель александрийской каѳедры не хотѣлъ упускать желанного случая, чтобы принизить возвышающагося столичнаго соперника. Въ 431 году въ Ефесѣ былъ созванъ вселенскій соборъ. Ограниченный и не освѣдомленный въ истинныхъ причинахъ церковнаго спора патріархъ Запада, папа Целестинъ, бросилъ на вѣсы тяжелый авторитетъ первой каѳедры христіанства въ пользу Кирилла. Свои обсужденія соборъ открылъ, не выждавъ прибытія благопріятно расположенныхъ къ Несторію восточныхъ іерарховъ, и, не взирая на протесты императорскаго комиссара, Несторій былъ низложенъ. Едва, однако, появился патріархъ Антіохій-

скій Іоаннъ, какъ онъ устроилъ въ согласіи съ императорскимъ правительствомъ новый соборъ; на немъ низложили Кирилла и Мемнона Ефесскаго. Тѣмъ не менѣе, въ виду возбужденія настроенія огромнаго большинства духовенства и народа, правительство и антіохійскій іерархъ проявили величайшую слабость. Чтобы удовлетворить Кирилла, который не скучился на денежные подарки вліятельнымъ царедворцамъ, пожертвовали Несторіемъ; онъ умеръ въ ссылкѣ. Сирійское духовенство заключило съ египетскимъ патріархомъ унію на условіяхъ, которыхъ безъ ущерба для своей совѣсти могъ бы подписать и низложенный и проклятый князь церкви нового Рима. Многочисленныя выраженія Кирилла, въ которыхъ онъ пытался защитить эту унію, показываютъ только неясность его собственной доктрины и даютъ полнѣйшее доказательство того, что александрийскій іерархъ меньше заботился о вѣрѣ, чѣмъ о власти. Дѣйствительно, духовный фараонъ являлся теперь могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ имперіи; въ столицѣ вершали дѣла, въ качествѣ церковныхъ вождей, его креатуры. Правительство—всякій это видѣлъ—потерпѣло тяжелое пораженіе, какъ это всегда случается, когда религіозно индифферентная бюрократія осмѣливается обрушиться на носительницу идеи, каковой является церковь. Казалось, будто духовное владычество надъ вселенной хочетъ перейти на преемниковъ Св. Марка. Когда поэтому въ 449 году одинъ малоазіатскій епископъ провозгласилъ александрийскаго іерарха вселенскимъ епископомъ, онъ только учитывалъ фактическое положеніе дѣлъ.

Полнѣйшій переворотъ вызвалъ новый папа древняго Рима, Левъ Великій (442—454), не великій богословъ, но перворазрядный церковный политикъ, сумѣвшій исправить невѣроятную ошибку своего предшественника. Константинопольскій архимандритъ Евтихій, ревностный приверженецъ александрийскаго богословія, дошелъ въ созерцательной тиши своей монастырской келіи до чистаго докетизма и далъ тѣмъ самыми столичному патріарху Флавіану, которому наскучило александрийское ярмо, желанный поводъ выступить противъ архимандрита съ церковными карами. Своей epistola dogmatica къ Флавіану папа Левъ одобрилъ мѣропріятія своего новоримскаго коллеги. Преемникъ Кирилла, Диоскоръ, не снесъ спокойно удара; всемогущій императорскій министръ Хризантѣй былъ его послушнымъ оружиемъ. Поэтому въ Ефесѣ, на мѣсто египетской побѣды, созвали новый вселенскій соборъ („разбойничій“ соборъ 449 года); на этомъ священномъ собраніи было допущено нѣкоторое насилие, но едва ли поведеніе іерарховъ было много хуже, чѣмъ на признанныхъ церковью соборахъ. Несмотря на протестъ Рима, Египетъ еще разъ торжествовалъ по всему фронту, и ученіе, которое вносило вѣдомствомъ называли monoфизитствомъ, казалось, угрожало стать признаннымъ исповѣданіемъ

<sup>1)</sup> Г. С. Дестунисъ: Сказанія Приска Папійского (Уч. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 7, стр. 1—112).

28 іюля всіхъ восточнихъ странъ, какъ вдругъ 28-го іюля 450 года умеръ 450 **Феодосій**. Мудрая въ политикѣ монахиня Пульхерія предложила свою руку старому сенатору **Маркіану**, который и вступилъ на престолъ; онъ—первый императоръ, коронованный столичнымъ патріархомъ. Перемѣна правленія явилась сигналомъ къ полнѣйшей реакції. Благодаря обѣимъ великимъ ефесскимъ побѣдамъ александрийскій патріархъ стоялъ на вѣрномъ пути къ тому, чтобы стать первой силой въ имперіи и превратить восточный Римъ въ свою церковную область. Поэтому сверженіе египетскаго іерарха являлось для византійского правительства вопросомъ жизни и смерти. Весьма мудро сумѣло оно раздобыть себѣ цѣнныхъ союзниковъ въ лицѣ западно-римского правительства и особенно въ лицѣ князя церкви старого Рима. На халкідонскомъ соборѣ 451 года навязали сильно противившимся тому іерархамъ Востока довольно-таки насилиническимъ образомъ вѣроисповѣданіе, о которомъ заранѣе условились съ Римомъ; руководившіе соборомъ императорскіе комиссары дѣйствовали въ полномъ согласіи съ папскими легатами. Діоскоръ былъ низложенъ и отправился въ ссылку, какъ нѣкогда Несторій. Вѣрнѣйшіе приверженцы послѣдняго, Феодоритъ Кирскій и Ива Эдесскій, были реабилитированы. Восточно-римское государство побѣдоносно завоевало себѣ вновь суверенитетъ и въ церковныхъ дѣлахъ.

Что касается виѣшнихъ отношеній, то Маркіанъ отмѣнилъ платежъ дани гуннами; запутанныя отношенія къ Западу мѣшиали Аттилѣ активно выступить противъ Византії; послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ гибель его, устранила окончательно эту опасность для восточной имперіи.

Казалось, что Востокъ принялъ халкідонскія постановленія помимо воли, въ нѣмомъ раболѣпіи. Но такъ только казалось. Александрійское ученіе, односторонне подчеркивавшее божество Христа и почти устранившее его человѣчество, было вѣрой благочестиваго населенія Востока. Въ Малой Азіи, въ Сиріи и особенно въ Египтѣ шевелились испуганные только, но далеко не павшіе духомъ сторонники Кириллова и Діоскорова ученія. Для восточно-римской имперіи халкідонское рѣшеніе было, съ политической точки зрења, можетъ быть, самымъ тяжелымъ несчастіемъ. Паденіе александрийскаго папы было куплено цѣнной внутренняго духовнаго раскола во всей имперіи. Вѣ-эпоху, когда всякая политическая мысль растворялась въ церковномъ сознаніи, антигреческое национальное сознаніе сирійцевъ и египтянъ цѣплялось за клерикальное ученіе противниковъ халкідонскихъ постановленій. Убѣдиться въ этомъ и притомъ самыи вразумительнымъ образомъ суждено было уже преемнику Маркіана, **Леву I**

457—(457—474).

474 Левъ, прозванный Великимъ, православный грекъ юракій-

скаго происхожденія, былъ обязанъ своимъ трономъ всемогущему magister militum per Orientem, алану Аспару, аріанско вѣроисповѣданіе котораго мѣшило ему самому вступить на престолъ; зато въ теченіе всей первой половины правленія Льва государственная власть сосредоточивалась въ его рукахъ. Подобно Маркіану, и Левъ принялъ 7 февраля 457 года корону изъ рукъ столичнаго патріарха Анатолія Какъ и Гаина, Аспаръ опирался на германскій элементъ арміи и, какъ нѣкогда Рицимеръ въ Италіи, хотѣлъ, казалось, играть роль дѣлителя императоровъ. Однако, имѣя въ виду эту цѣль, онъ ошибся, выбирая Льва. Этотъ человѣкъ не былъ призрачнымъ императоромъ, подобно какому-нибудь Анемію или Оливрію. Въ противовѣсь преобладанію германцевъ онъ выдвинулъ вновь навербованную лейбъ-гвардію исавровъ. Ихъ генераль, хитрый варваръ съ низменными стремлѣніями, Тарасикодисса получилъ благозвучное эллинское имя Зинона и женился на дочери императора, Аріаднѣ. Не безъ труда вытребовалъ, наконецъ, для себя Аспаръ исполненіе даннаго императоромъ обѣщанія, по которому его сыну Патрикію дали санъ кесаря. Грандіозная морская экспедиція императора противъ пиратскаго государства вандаловъ въ Африкѣ потерпѣла крушеніе изъ-за полнѣйшей бездарности поставленнаго во главѣ ея императорскаго зятя Василиска. Говорили, что Аспаръ изъ зависи содѣйствовалъ назначенію невоинственнаго и скучного полководца, опасаясь военной славы императора. Лишь въ 471 году по повелѣнію императора Аспаръ и его сынъ Ардавурій были убиты. Катастрофа, освободившая правителя отъ тягостнаго майдромата, а государство отъ германскаго владычества, произвела глубокое впечатлѣніе на современниковъ и долго еще жила въ по-говоркѣ.

Въ церковномъ управлѣніи Левъ вполнѣ послѣдовательно продолжалъ политику своего предшественника. Сразу же послѣ смерти Маркіана, александрийцы убили навязаннаго имъ патріарха Протерія. Несчастный вполнѣ заслужилъ свою участь, такъ какъ, будучи въ началѣ креатурой Діоскора, онъ позволилъ противникамъ послѣдняго использовать себя, какъ податливое орудіе. При бурныхъ обстоятельствахъ былъ посаженъ на каѳедру Марка ревностный сторонникъ Діоскора Тимоѳей Элуръ. Левъ отнесся къ дѣлу очень серьезно; созывать новый соборъ было неудобно: это явилось бы явнымъ выражениемъ недовѣрія халкідонскому собору. Императоръ освѣдомился о мнѣніи духовенства у митрополитовъ и епископовъ всѣхъ провинціальныхъ церквей и у нѣкоторыхъ выдающихся богослововъ своего государства. Оно въ огромномъ большинствѣ склонилось въ пользу Халкідона. Тогда узурпатора сослали, и Тимоѳей, Салофакіоль или Василискъ по прозванию—впервые православную партию стали называть цар-

скою (мелхитами)—занялъ александрийскій престоль. Это—одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда византійское правительство счастливо наложило руку на поддающіяся только нѣжному прикосновенію церковныя дѣла. Тимоѳеи оказался—явленіе для того времени неслыханное!—мягкимъ и терпимымъ іерархомъ. Онъ снискалъ любовь и уваженіе даже среди своихъ церковныхъ противниковъ, которые, однако, отказывали и ему въ общеніи.

3 фев.  
474 Умирая 3 февраля 474 года, Левъ оставилъ имперію своему несовершеннолѣтнему одноименному внуку, сыну Зинона и Ариадны. Въ 474 году **Левъ II Младшій** торжественно короновалъ своего отца соимператоромъ, а затѣмъ умеръ такъ неожиданно, что на Зинона, теперь единственного обладателя трона, совершенно естественно пало самое тяжкое подозрѣніе.

475 Новый императоръ **Зинонъ**, опиравшійся на своихъ земляковъ, дикихъ и ненавистныхъ исавровъ быль крайне непопуляренъ. Поэтому честолюбивая царица-мать, Верина, пыталась возвести на престолъ своего брата, бездарного Василиска; въ заговорѣ принялъ участіе и одинъ изъ выдающихся исаврійскихъ генераловъ, Иллъ. Въ концѣ 475 года Зинону вмѣстѣ со своей супругой пришлось бѣжать на родину; въ Константинополь народная ярость разразилась избѣніемъ исавровъ. Василискъ опирался на подвергшуюся притѣсненіямъ въ продолженіе цѣлаго поколѣнія партію монофизитовъ. При радостныхъ кликахъ народа вернулся въ Александрію сосланный Тимоѳеи. Азіатскіе епископы послѣдни выразить свое согласіе съ новымъ государственнымъ вѣроисповѣданіемъ. Но Василискъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Онъ, по совѣту недальновиднаго Александрійскаго іерарха, попытался уничтожить основанную Гоанномъ Златоустомъ и торжественно закрѣпленную въ Халкідонѣ патріаршую власть столичнаго іерарха и возвратить древнее первенство чести Ефесу, городу Іоанна Богослова. Тѣмъ самымъ онъ обидѣлъ благочестиваго, безумно почитаемаго народомъ и несомнѣнно тонкаго политика, патріарха Аракія. Опираясь на расположение къ нему народа, этотъ мужъ твердо держался халкідонскаго православія, а у Босфора произносилъ въ это время со своего столба въ защиту подвергшагося опасности православія пламенныя рѣчи столпникъ Даніилъ. Напрасно отрекался теперь Василискъ отъ вѣроисповѣданія своего „окружнаго посланія“ (Ехюнгю): Иллъ и его братъ Трокундъ перешли на сторону Зинона. Василиску и его семье пришлось умереть голодной смертью въ одной изъ исаврійскихъ крѣпостей.

Своимъ востановленіемъ (474 г.) Зинонъ быль обязанъ прежде всего великому патріарху. Поэтому являлось вполнѣ разумной правительственной мѣрой предоставить упорядоченіе церковныхъ отношеній этому политически высокоодаренному іерарху. Аракій

образцово разрѣшилъ свою полную трудностей задачу: имъ составленный и Зинономъ обнародованный „актъ единенія“ (Енотион) (482) обеспечилъ миръ для двухъ поколѣній. Актъ былъ составленъ въ духѣ стараго и всѣми признанаго вѣроисповѣданія Никеи и Ефеса; несчастное халкідонское рѣшеніе фактически было устранено. Черезъ возстановленіе древняго исповѣданія св. Кирилла была предоставлена монофизитскимъ патріархамъ Александріи и Антиохіи возможность возобновить общеніе съ имперской церковью; за ними послѣдовала, за единственнымъ исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ ревнителей, и ихъ паства. Имъ это въ виду, мы поймемъ, почему монофизитскія церкви донынѣ причисляютъ въ своихъ календаряхъ къ числу святыхъ Зинона и единомысленаго съ нимъ его преемника Анастасія. Рядомъ съ неизмѣримой выгодой отъ возстановленія церковнаго мира внутри всѣй имперіи не было большой потерей то, что торжественно отдался папа стараго Рима, Феликсъ III: вѣдь, въ политическомъ и национальномъ отношеніяхъ уже существовало отчужденіе отъ латинянъ, и, значитъ, церковное отдаленіе являлось только необходиымъ слѣдствіемъ. Миротворецъ Аракій, вѣроятно, впервые принялъ, какъ знатѣйшій іерархъ вновь объединенной церкви, тотъ титулъ вселенскаго патріарха, изъ-за котораго позже много спорили.

Что касается политического положенія, то правленіе Зинона и въ дальнѣйшемъ было довольно неспокойно. Правда, восстаніе принципа Маркіана было быстро подавлено. Много опаснѣй оказалось другая личность. Magister officiorum Иллъ мало-по-малу завоевалъ себѣ при дворѣ такое всемогущее положеніе, что его можно въ ближайшіе годы считать фактическимъ правителемъ восточной имперіи. Армія, особенно его земляки, исавры, была ему безусловно предана; къ тому же онъ разыгрывалъ роль покровителя ученыхъ и литераторовъ, изъ среды которыхъ еще зачастую рекрутировались высшіе чиновники и между которыми немало было явныхъ и тайныхъ приверженцевъ язычества, какъ напр., Леонтій, начальникъ еракійскаго войска, Пампредій, профессоръ, сначала въ Аєинахъ, а затѣмъ въ столицѣ, выдающійся государственный талантъ, Марсий и др. Такъ какъ Иллъ выставлялъ на видъ, что не возможно обойтись безъ него, то это повело къ столкновеніямъ съ крайне самонадѣянной императрицей Аредной, а въ концѣ концовъ и къ полному разрыву. Тѣмъ болѣе приходится удивляться, что императоръ поручилъ этому безсовѣстному и дерзкому человѣку командованіе надъ восточными войсками: очевидно, иначе онъ не могъ поступить. Тутъ-то Иллъ и скинуль съ себя маску. Онъ заключилъ союзъ съ безумно честолюбивой царицей-матерью Вериной, которая всецѣло отдалась его планамъ: по его настоянию короновала она въ Тарсѣ императорской короной Леонтія и въ

27 іюня особомъ манифестъ представила его подданнымъ. 27 іюня 484 года 484 Леонтій торжественно вступилъ въ Антіохію. Утвержденіе, будто новый императоръ и его товарищи, эти слѣшыя орудія въ рукахъ Илла, мечтали о возстановленіи язычества, является нелѣпымъ выводомъ изъ кровавыхъ гоненій, которымъ впослѣдствіи подвергло философовъ и грамматиковъ реставрированное правительство Зинона: на противъ того, правительство претендента включило въ свою программу защиту халкідонского православія и этимъ приобрѣло симпатіи высшаго клира Востока, въ лицѣ своихъ особенно выдающихся представителей отвергшаго „актъ единенія“. Но въ самой странѣ этого направлениія держалось лишь незначительное меньшинство: народъ находился въ рукахъ монаховъ и столпниковъ, большинство которыхъ было настроено въ пользу монофизитства. Новое правительство не находило опоры въ народѣ, и посланному Зинономъ генералу, готу Іоанну, не представляло никакого труда побѣдить Илла и замокрить его въ той самой исаврійской крѣпости Напірії, которая нѣогда пріотила сосланную императрицу Верину и Маркіана. Въ 488 году головы бунтовщиковъ были отправлены въ Константинополь. Естественнымъ послѣдствіемъ явилось низложение многочисленныхъ восточныхъ іерарховъ, и прежде всего патріарха антіохійскаго Каландіона. Приверженцамъ Халкідонскаго собора суждено было потерпѣть за свою склонность къ Иллу. Въ Антіохію попалъ старый фаворитъ Зинона, Пётръ Кнафей, который уже разъ былъ низложенъ за свое упорное монофизитство, но который теперь принялъ примирительную формулу Акакія. Въ связи съ политическими перемѣнами на Востокѣ стоитъ и закрытіе въ 489 году персидской школы въ Едессѣ, послѣдняго убѣжища несторіанства. Съ политической точки зренія, поощрение, оказываемое монофизитамъ въ восточныхъ провинціяхъ, являлось весьма разумнымъ мѣропріятіемъ: такъ какъ несторіане образовали официально признанное исповѣданіе въ персидской монархіи, то Византія поступала правильно, оказывая покровительство ихъ смертельнымъ врагамъ, которые уже своимъ вѣроисповѣднымъ направлениемъ представляли лучшую гарантію въ томъ, что они будутъ настроены патріотически въ пользу Византіи.

Гораздо болѣе опаснымъ было положеніе европейской части имперіи въ правлениі Зинона. Готы, неудержимо двигавшіеся къ югу съ своихъ насиженныхъ паннонскихъ мѣсть, еще разъ стали постоянной грозой имперіи. Было счастьемъ для Зинона, что рядомъ съ королевскимъ родомъ Амаловъ (сначала три брата, а послѣ геніальный сынъ Теодемира, Теодорихъ Великий) сильной партіей располагалъ среди этого народа талантливый солдатъ невысокаго происхожденія Теодорихъ, называемый греками бѣзтраѣбъ или сыномъ Тріарія. Соперничество двухъ вождей спасало имперію. Правительство, не жалѣвшее золота, могло быть

спокойнымъ за то, что вѣдумай одинъ изъ Теодориховъ воевать съ имперіей, другой немедля станеть на его сторону. Правда, что временный союзникъ хозяиничалъ обычно во Фракіи и Македоніи не менѣе ужасно, чѣмъ явный врагъ. Въ 478 и въ 481 годахъ напалъ на столицу имперіи сынъ Тріарія, а въ 481, 487 году Теодорихъ Великий. Оба были успѣшно отбиты. Послѣдній имѣлъ храбраго и счастливаго противника, въ лицѣ римскаго полководца Савиніана, ранняя смерть котораго поставила имперію въ новыя затрудненія, главнымъ образомъ потому, что послѣ смерти сына Тріарія развязались руки готскаго короля, котораго Римъ тщетно осыпалъ почетными титулами патріка и консула. Необузданымъ „foederati“ указали новыя мѣста въ придунаїскихъ странахъ, и тутъ-то посольство бѣглого князька руговъ обратило вниманіе великаго гота на Италію. Какъ уже Одоакръ желалъ быть признаннымъ Византіей въ качествѣ императорскаго полководца и намѣстника Запада, такъ теперь Теодорихъ действительно по договору съ императоромъ Зинономъ былъ назначенъ—руководствовались еще государственно-правовой фикціей о недѣлиности имперіи—преемникомъ и вторымъ обладателемъ императорскаго сана; союзники Теодориха, германцы, стали имперскими солдатами; для себя просилъ онъ у императора пурпурныя одежды и получилъ ихъ отъ его преемника Анастасія. Теодорихъ всегда подчеркивалъ свою зависимость отъ императора. Однако послѣдній, не доктринеръ государственного права, а хладнокровно взвѣшивающій обстоятельства реальный политикъ, только тогда вздохнулъ свободно, когда этотъ „лойяльный подданный“ окончательно задержался въ Италіи, благодаря своей побѣдѣ надъ Одоакромъ у Вероны. Такъ окончательно избѣжало имперія опасности получить германскую правящую расу.

При смерти Зинона, 11 апрѣля 491 года, обнаружилась<sup>11 апр.</sup> сила династического чувства. Избраніе императора зависѣло отъ вдовствующей императрицы Аредны, дочери Льва I, и она избрала императоромъ и въ то же время для себя мужемъ одного испытанного гражданскаго чиновника, силенціарія Анастасія (491—518), который—черта характерная для этого времени—не задолго передъ тѣмъ чуть не сталъ антіохійскимъ патріархомъ.<sup>518</sup> Его правлениѣ сравнительно съ зиноновскимъ было относительно спокойнымъ. Въ самомъ же началѣ, конечно, пришлось посчитаться съ исаврами. Ихъ землякъ Зинонъ создалъ въ столицѣ своего рода преторіанское положеніе для этого охочаго до грабежа и драки сброва съ гористаго юга Малой Азіи; родственники и приверженцы Зинона занимали важнѣйшія должности въ командованіи арміей. Новый императоръ пытался сначала удалить ихъ изъ столицы, не умоляя ихъ ранга и положенія; но буйныя банды, возбуждаемыя своими вождями, затѣяли гражданскую войну. Тутъ-то и показалъ импе-

раторъ свою энергию. Онъ прекратилъ выдачу исаврамъ пайка зерномъ. Послѣ кровавой борьбы они были выброшены изъ столицы. Но во главѣ мятежниковъ сталъ братъ Зинона, Лонгинъ, претендовавшій самъ на корону. Шесть лѣтъ длилась война на югѣ Малой Азіи. Во главѣ восстанія, принимавшаго все болѣе и болѣе национальный характеръ, стояли любимые вожди, среди которыхъ находился и бывшій архіепископъ Апамеи Кононъ, промѣнявшій свой молитвенникъ на мечъ. Однако, послѣ большой побѣды у 493 Котія въ 493 году, восстаніе приняло обычный характеръ партизанской и крѣпостной войны, имѣвшей лишь мѣстное значеніе. Восточно-римское правительство избавилось отъ исаврійского ига.

Обезлюженныя сѣверныя провинціи европейской половины имперіи были со времени ухода готовъ предоставлены непрестаннымъ 493, вторженіемъ варваровъ. Въ 493, 505 и 517 году намъ сообщаютъ 505, о набѣгахъ гетовъ, подъ которыми принято разумѣть славянскія 517 племена: они побѣждаютъ византійскихъ полководцевъ и, разрушая все на своемъ пути, проникаютъ во Фракію, Македонію и Фессалію. 499 Въ 499 году финскіе болгары наносятъ византійцамъ тяжелое пораженіе у рѣки Цурты, а въ 502 году они опустошаютъ Фракію. Постройкой длинной стѣны императоръ защитилъ свою резиденцію. Итакъ, эта эпоха имѣеть всемирно-историческое значеніе, какъ начальный пунктъ славянізированія Балканскаго полуострова.

Безспорно, самой важной изъ всѣхъ войнъ Анастасія была война съ персами, о которой мы прекрасно освѣдомлены по современной ей хроникѣ сирійскаго столпника Исауса, монаха Цукнинскаго монастыря. Старые договоры были нарушены обѣими державами; но обоснованный поводъ къ тому дала Византія, принявъ подъ свое покровительство христіанскихъ князей персидской Арmenіи. Монофизитствующіе армяне питали расположение къ грекамъ, пока превратная политика Юстиніана не уничтожила всѣхъ симпатій къ восточному Риму у этого сосѣднаго государства. 502 Ка вадъ открылъ лѣтомъ 502 года военные дѣйствія и взялъ 503 Феодосіуполь (Каринъ—Эрзерумъ), столицу римской Арmenіи. Въ началѣ 503 года, благодаря измѣнѣ, нала послѣ трехмѣсячной осады Амида, главный оплотъ имперіи на месопотамской границѣ. Несчастный городъ испыталъ на себѣ всю ярость озвѣрѣлыхъ побѣдителей и только въ 504 г. былъ возвращенъ византійцамъ. Среди византійскихъ полководцевъ особенно отличился magister officiorum Целеръ. И римская и персидская Месопотамія страшно терпѣла отъ разрушительныхъ и хищныхъ походовъ друзей и враговъ. Наконецъ, оба противника оказались крайне истощенными, и былъ заключенъ миръ въ 506 году, восстановившій status quo. Императоръ умно воспользовался затрудненіями персовъ съ сѣверными народами, чтобы, хоть и съ нарушеніемъ договора, возвѣсти важную крѣпость Дару, которая должна была угрожать Низибію.

Внутри имперіи правительство ревностно заботилось о реформахъ. Въ большую заслугу вмѣняется императору современниками и послѣдующими поколѣніями упраздненіе въ маѣ 498 г. жестоко тяготѣвшаго на всѣхъ сословіяхъ налога χρισტаруφу<sup>1)</sup>; онъ пытался противодѣйствовать и продажѣ должностей. Характернымъ для аскетически-монашескихъ воззрѣній того времени явится то обстоятельство, что народъ лишили даже невинныхъ удовольствій карнавала, такъ какъ усмотрѣли въ нихъ языческіе пережитки. Подобно тому, какъ современникъ Анастасія папа Геласій окончательно воспретилъ (494 г.) въ Римѣ празднованіе луперкалій, такъ императоръ запретилъ танцы мальчиковъ, переодѣтыхъ въ женское платье, и упразднилъ майское<sup>2)</sup> торжество врить съ его народными праздничными плясками, потому что своею волею пьяной толпы неоднократно давало поводы къ кровавымъ дракамъ и убийствамъ. За признакъ истинно-христіанской добродѣти правительства слѣдуетъ признать отмѣну крайне популярныхъ звѣринныхъ травль (venationes) и кровавыхъ гладіаторскихъ боевъ со звѣрями въ циркѣ.

Правленіе Анастасія въ церковномъ отношеніи болѣе важно, чѣмъ въ политическомъ. Императоръ дружилъ съ монофизитами не изъ политическихъ соображеній, подобно своему предшественнику а, напротивъ, слѣдовалъ этому церковному направлению изъ глубочайшаго убѣжденія сердца; его главный совѣтникъ, сирецъ Маринъ, былъ также убѣжденный монофизитъ; и тѣмъ не менѣе императоръ взялъ средній курсъ въ церковной политикѣ. Такъ какъ Европа и особенно столица склонялись къ халкидонскому вѣроисповѣданію, то Анастасій въ началѣ терпѣлъ православнаго патріарха Евфимія, и послѣ низложеніе Евфимія въ 496 году преемникъ его, Македоній, хотя и подписалъ „актъ единенія“, но въ остальномъ проявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ церковной политики императора. Изъ восточныхъ провинцій Египетъ былъ столь же рѣшительно монофизитскимъ, какъ Палестина съ ея многочисленными монашескими колоніями православной; въ Сиріи господствовала посредствующая партія Флавіана. „Актъ

<sup>1)</sup> Смотр. обѣ этомъ налогѣ, называемемся также тетрастаφион (у Кедрина) или augum negotiatorum (у Лампридія), у Du Cange Glossarium ad scriptores med. et inf graecit., 1764—1765; Tillmont Histoire des empereurs, t. VI 539—541. Онъ взимался со всѣхъ, кто занимался какою-бы то ни было торговлей или ремесломъ, а также и съ животныхъ, служившихъ для этой цѣли; сборъ производился по однѣмъ свѣдѣніямъ ежегодно, по другимъ—каждые четыре года, по третьимъ—каждые пять лѣтъ. Современниковъ возмущало какъ то, что онъ падалъ и на нищихъ уличныхъ торговцевъ, такъ и то, что уплачивавшіе его лица предосудительныхъ профессій получали какъ бы офиціальное разрешеніе и одобреніе своей дѣятельности. (В. Б.).

<sup>2)</sup> Время и характеръ этого праздника не установлены. О немъ есть сообщеніе только Свиды (ed Bernhardy, II, 663); ἐτέ γοῦ δὲ μέχρις Ἀναστάσου φασὶ λέως οἱ ἐν Κωνσταντινopolεῖ παγῆγοι τῶν Βρυτῶν καὶ ταῦτην Ἀναστάσος ἔπαιξε. (В. Б.).

499

единенія" признавался повсюду государственнымъ символомъ вѣры, только въ интерпретаціи его сказались глубокія партійныя несогласія: египтяне и крайніе монофизиты заявляли, что имъ отвергается Халкідонскій соборъ, въ то время какъ въ столицѣ, напротивъ, путемъ толкованія вывели изъ него принятія постановленій Халкідонскаго собора; посредствующая партія умно хранила молчаніе въ щекотливомъ вопросѣ, но подъ давленіемъ строгихъ монофизитовъ совершенно послѣдовательно произнесла анаему, кромѣ Несторія, и также другимъ главарямъ антіохійской школы именно Діодору Тарскому и Феодору Мопсуетскому. Анастасій держался чрезвычайно мудро: онъ просто предоставилъ провинціямъ, столь сильно отличающимися другъ отъ друга по происхожденію, языку и исторіи, держатся прежнихъ обычаевъ и существующихъ взглядовъ. Правительство проявило самыя искреннія стремленія къ поддержанію мира и достижению единенія. Даже съ Римомъ, этимъ оплотомъ православія, императоръ и его патріархи неоднократно старались добиться премириенія. При кроткомъ папѣ Анастасіи II переговоры, казалось, должны были увѣнчатся успѣхомъ; но его ранняя смерть разбила всѣ надежды на миръ, ибо упрямо отстаиваемое Римомъ условіе: вычеркнуть изъ церковныхъ книгъ имя Акаакія, было непріемлемо для чести восточного Рима. Съ другой стороны, ярые монофизиты безпрерывно слали въ столицу монашескія депутаціи, и ихъ главы, геніальный Северъ Антіохійскій и энергичный Ксенія Герапольскій, выслушивались императоромъ. Засѣдали соборъ за соборомъ, но протекали всѣ одинаково безрезультатно. Въ придворныхъ часовняхъ распѣвали Трисвятое съ монофизитской прибавкой: (Богъ), распійся за ны. Буйное городское населеніе Константинополя, воодушевлявшееся и горячившееся только изъ-за цирковыхъ наездниковъ да акробатовъ, объявило себя теперь съ такою же горячностью защитникомъ православія и угрожающимъ образомъ бунтовало за вѣру. Разгневанный императоръ созвалъ въ 512 году въ Сидонѣ соборъ, который долженъ былъ дать прямой отвѣтъ. Но умные и умѣренные руководители собора, Флавіанъ Антіохійскій и Илія Іерусалимскій, къ великому негодованію покровительствуемыхъ камарильей фанатиковъ, воспрепятствовали принятию всякихъ крайнихъ мѣръ. Императоръ мало-по-малу состарился, усталъ и сталъ нетерпѣливъ; ему надоѣли долгіе переговоры съ богословами, неподдающимися вразумленію, и онъ рѣшительно бросился въ объятія явныхъ монофизитовъ. Такимъ образомъ Анастасій порвалъ сознательно со своей прежней полной такта церковной политикой. „Онъ поглупѣлъ“, говорить кроткій столпникъ Іисусъ, „подобно состарѣвшемуся Соломону“. Патріархъ Македоній былъ замѣщенъ строгимъ монофизитомъ Тимоѳеемъ, который и вступилъ, не медля, въ общеніе съ церк-

ками Востока. Флавіанъ Антіохійскій, а вслѣдъ за нимъ и Илія Іерусалимскій, отправились въ ссылку, и духовный глава монофизитовъ Северъ занялъ апостольскую каѳедру въ Антіохіи. На Тирскомъ соборѣ 513 года торжественно былъ принятъ „актъ единенія“, а Халкідонскій соборъ былъ проклятъ. Но и тутъ сказалась мягкость императора: онъ рѣшительно запретилъ намѣстнику Ливонской Финикии всякое примѣненіе силы противъ противившихся епископовъ Эпифанія и Аretузы, говоря, что онъ не хочетъ даже въ опасныхъ и важныхъ случаяхъ прибѣгать къ наказанію, разъ при этомъ необходимо пролить хоть одну каплю крови.

513

Но многаго не доставало, чтобы перемѣна правительственной политики была принята въ европейскихъ провинціяхъ безъ сопротивленія. Въ 512 году дѣло дошло въ столицѣ до ужасной революціи, подвергшей опасности и самую корону; конечно, бунтовали только въ защиту находящагося въ опасности православія. Дворцы Марина и префекта Платона были разграблены и сожжены. Нѣсколько несчастныхъ монаховъ-монофизитовъ пало жертвой народной ярости. Вперемежку съ этими ужасами толпа цѣльными днями распѣвала въ циркѣ гимны въ православномъ текстѣ. Уже провозгласили царемъ Аревинда, какъ неожиданно появился въ циркѣ безъ короны и императорскихъ отличій Анастасій и объявилъ черезъ герольда о своей готовности отказаться отъ трона, добавляя, что невозможно правление многоголовой толпы и что необходимо передать правление государствомъ кому-нибудь одному. Безбоязненная рѣчь престарѣлаго монарха подействовала съ волшебной силой на толпу: она вновь привѣтствовала его императоромъ и разсѣялась. Немедленно послѣ этого правительство съ величайшей энергией возстановило полноѣшее спокойствіе.

512

Такимъ настроениемъ западныхъ провинцій воспользовался одинъ изъ генераловъ. Въ дунайскихъ провинціяхъ поднялъ въ 514 году знамя восстанія Виталіанъ, уроженецъ Мизіи, человѣкъ грубый и честолюбивый. Православное ученіе было для него такъ же безразлично, какъ нѣкогда для Илла. Но, принимая въ свою программу защиту Халкідонскаго собора, онъ могъ быть увѣренъ въ симпатіяхъ духовенства и народа европейской части имперіи. Съ громаднымъ войскомъ, говорять, въ 50.000 „гунновъ“ двинулся онъ въ 514 году на столицу имперіи и такъ напугалъ императора, что тотъ вступилъ въ переговоры о мирѣ и далъ обѣщаніе созвать соборъ для возсоединенія съ западными странами. Едва Виталіанъ отступилъ, какъ противъ него послали полководца Кирилла, но послѣдній былъ разбитъ. Страшное пораженіе понесъ и племянникъ самого императора, Ипатій: большая часть его войска была уничтожена, онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Какъ раньше города Одиссѣи и Анхіалъ, такъ теперь попалъ въ

514

514

руки мятежника Созополь. Даже съ моря угрожалъ Виталіанъ столицѣ. Императоръ быль вынужденъ выкупить своего племянника, заплативъ 5000 фунтовъ золота и официально признать за Виталіана титулъ *magister militum per Thraciam*. Соборъ въ Иракліи не состоялся, хотя туда послалъ своихъ легатовъ съ разрѣшенія Теодориха и папа Гормиздъ. Виною тому было, вѣроятно, менѣе двуличность императора, какъ это представляется намъ єеофанъ, а скорѣе церковно-политическая и догматическая точка зреенія Рима, унія съ которымъ была невозможной для тогдашней Византіи.

515 515 годъ сталъ свидѣтелемъ новой борьбы между непокорнымъ скіеомъ и императоромъ. Но рѣшительная морская побѣда Марина при Сикахъ (у Віаарії) добыла, наконецъ, столицѣ спокойствіе: Виталіанъ ушелъ на сѣверъ, и его движеніе было окончательно сокрушенено.

Старѣющему императору духовенство безпрерывно доставляло заботы. Монахи и отшельники, особенно сильные въ Цалестинѣ, составляли подъ руководствомъ св. Савы и его друзей большія собранія протеста противъ принятаго въ Константинополѣ придворного богословія, а въ Александрии дошло даже до большого бунта, потому что въ 517 году греческая городская аристократія посадила безъ согласія духовенства и народа нового патріарха, Діоскора. Но ловкій іерархъ сумѣлъ привлечь противниковъ на свою сторону и личной поѣздкой въ Константинополь умилостивить и правительство.

515 Уже въ 515 году умерла Ареадна. 9 апрѣля 518 года 9 апр. послѣдовалъ за нею, наконецъ, и преклонный лѣтами супругъ. 518 Слабоумный старикъ окончательно утерялъ инициативу и способность принимать рѣшенія, неразумно не сдѣлавъ никакихъ распоряженій относительно престолонаслѣдія, хотя у него были вліятельные и небезталанные родственники.

Со смертью Анастасія кончается первый періодъ восточно-римской исторіи. Дважды угрожавшая опасность—паче, подобно Западу, жертвой германской воинской касты—была счастливо и окончательно отстранена. Въ этотъ періодъ, который по его религіозной и церковной возбужденности, можно сравнить, пожалуй лишь съ XVI вѣкомъ, императорская власть въ общемъ проявила чрезвычайно много такту и ловкости. Если не принимать во вниманіе неудачныхъ мѣръ въ послѣдніе годы правленія Анастасія, то, кажется, все подавало хорошія надежды; возбужденные умы стали вновь возвращаться къ благоразумію; что Западъ продолжалъ дуться, имѣло мало значенія. Однако эти добрые виды на будущее разрушило пылкое честолюбіе ограниченного, но страдавшаго маніей величія государя.

## II. ЭПОХА ЮСТИНІАНА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВЪ (518—610).

Вопросомъ о престолонаслѣдованіи при открывшейся ваканціи трона занялся всесильный начальникъ дворцовыхъ евнуховъ Амантий. Онъ намѣревался добиться провозглашенія императоромъ своего родственника єеокрита. Для этой цѣли онъ передалъ иллірійцу Юстину, занимавшему въ качествѣ начальника дворцовой гвардіи (*comes excubitorum*) одну изъ значительнѣйшихъ придворныхъ должностей, необходимыя для этого богатыя средства, долженствовавшія привлечь на сторону евнуха могущественныхъ преторіанцевъ. Но лукавый илліріецъ, съ коварствомъ истаго варвара, употребилъ ихъ для собственного провозглашенія; сенатъ и народъ согласились, какъ всегда. Юстинъ, суровый и опытный воинъ, считался ревностнымъ приверженцемъ православія. Что Амантий тотчасъ же быль устраненъ, это понятно само собой при тогдашнихъ нравахъ. Коренная перемѣна выразилась въ новомъ блестящемъ положеніи Виталіана: онъ получилъ высокій военный постъ, а въ 520 г., званіе консула. Правленіе Юстина (518—527) бѣдно внѣшними событиями; это скорѣе междуцарствіе 518—627 и подготовленіе для долголѣтняго и чреватаго послѣдствіями царствованія Юстиніана. Главнѣйшимъ событиемъ правленія Юстиніана является возстановленіе единенія съ древнимъ Римомъ въ 519 году, одинъ изъ величайшихъ триумфовъ папства, дѣло кампанца съ персидскимъ именемъ, папы Гормизда. Виталіанъ, какъ испытанный защитникъ православія, стоялъ здѣсь на самомъ первомъ мѣстѣ. По его распоряженію быль сосланъ духовный глава монофизитовъ, геніальный Северъ Антиохійскій.

Правительство, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, слѣдило съ все возрастающимъ беспокойствомъ за дѣйствіями этого грубаго и безпринципнаго человѣка, пользовавшагося, однако, очень большою любовью солдатъ: пріобрѣтя еще симпатіи и духовенства, онъ могъ представлять собою несомнѣнную политическую опасность для династіи, какъ когда-то префектъ гвардіи Плавтіанъ для дома Севера. Вполнѣ понятно поэтому, что уже на слѣдующій